

Коренные малочисленные народы в Гражданской войне на Дальнем Востоке: особенности и причины участия

Вадим Анатольевич Тураев,
кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье рассматривается участие коренных малочисленных народов в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Показаны особенности освещения этой темы в советской историографии, критически оцениваются степень участия аборигенов в Гражданской войне и их идеологическая мотивация (борьба за национальные интересы России, национально-освободительная борьба). Аборигены не понимали политических лозунгов и уже по этой причине не могли бороться ни за «белую», ни за «красную» идею. Побудительным мотивом их участия в событиях Гражданской войны было противодействие бесчинству со стороны белогвардейских отрядов, а основной формой — партизанская борьба. В организации сопротивления коренных народов важную роль играли местные коммерсанты, которые и сами становились жертвами белобандитского грабежа. Оказавшись в эпицентре политического противостояния, аборигены сопоставляли действия противоборствующих сторон и выбирали позицию, которая отвечала их жизненным интересам. Белогвардейский бандитизм таким интересам не отвечал и потому коренные народы поддерживали советскую власть. Не отвечал их интересам и «красный бандитизм», который тоже имел место. Именно такая ситуация, известная как тунгусское антисоветское восстание, сложилась в 1924—1925 гг. в Аяно-Охотском районе. Показаны причины, приведшие к восстанию: необоснованные репрессии местных жителей, подозреваемых в антисоветских настроениях, налоговая политика охотских властей без учёта имущественного положения аборигенов, игнорирование особенностей быта и условий жизни в тайге, породившее массу нелепых и невыполнимых инструкций. В качестве одной из причин восстания рассматривается недовольство населения отделением Охотского уезда от Якутии, с которой эвенки и эвены тесно взаимодействовали в вопросах торговли и снабжения всем необходимым для жизни.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Гражданская война на Дальнем Востоке, тунгусское антисоветское восстание.

Indigenous Minorities in the Civil War in the Far East: Features and Reasons for Participation.

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru.

The article discusses the participation of small indigenous peoples in the civil war in the Far East. The features of the coverage of this topic in Soviet historiography are shown, the degree of participation of Aboriginal people in the civil war and their ideological motivation (the struggle for the national interests of Russia, the national liberation struggle) are critically evaluated. The aborigines did not understand the political slogans and for this reason already could not fight for either the “white” or the “red” idea. The motivation for their participation in the events of the civil war was opposition to the excesses of the White Guard detachments, and the main form was partisan struggle. Indigenous resistance organizations played an important role local businessmen, who themselves became victims of white bandit robbery. Once in the epi-center of political confrontation, the aborigines compared the actions of the opposing sides and chose a position that corresponded to their vital interests. Belogvardysky gangsterism did not respond to such interests and therefore the indigenous peoples supported the Soviet power. The “red

banditry”, which also took place, did not meet their interests. Such a situation, known as the Tungus anti-Soviet uprising, developed in 1924-1925 in Ayano-Okhotsk district. Shows the reasons that lead to the uprising: unsubstantiated repression of local residents suspected of anti-Soviet sentiments, the tax policy of the Okhotsk authorities without taking into account the property situation of the aborigines, ignoring the peculiarities of life and living conditions in the taiga, caused a lot of ridiculous and impracticable instructions. One of the reasons for the uprising is the discontent of the population with the separation of Okhotsk district from Yakutia, with which the Evenks and Evens closely cooperated in matters of trade and supplies with everything necessary for life.

Keywords: indigenous peoples minorities, Civil War in the Far East, Tungus anti-Soviet uprising.

Участниками великой российской смуты XX в., определившей жизнь нескольких поколений советских людей, были разные политические, этнические, социальные группы бывшей Российской империи. Об одних мы знаем, казалось бы, всё, о других наши знания фрагментарны или окрашены советским идеологическим флёром. Именно о таких участниках — коренных малочисленных народах Дальнего Востока — и пойдет речь в настоящей статье.

Первые упоминания об участии коренных народов в Гражданской войне появились в литературе уже в 1930-е гг. [19; 27]. Попадали в поле зрения исследователей они и позже, хотя предметом самостоятельного изучения за редким исключением не стали. Среди тех, кто в той или иной степени касался этой темы, — М.А. Сергеев [24, с. 211—213], В.А. Зибарев [10, с. 35—44], И.С. Гарусов [5; 6, с. 97—101], А.А. Беляев [4], В.А. Крюк [14]. Участие коренных народов в Гражданской войне на Дальнем Востоке нашло отражение в художественной литературе [25; 12], в воспоминаниях непосредственных участников событий, в т.ч. и коренных народов, чаще всего по случаю юбилейных дат советского государства [28; 15]. Документальных данных об участии коренных народов в Гражданской войне на Дальнем Востоке мало, непосредственные её участники давным-давно ушли из жизни, и потому сведения, содержащиеся в этих публикациях, продолжают оставаться важными свидетельствами далёких событий и сегодня.

На юге Дальнего Востока первые случаи непосредственного участия коренных народов в борьбе с белогвардейцами и японскими интервентами имели место уже в 1919 г. и были ответной реакцией на бесчинства, которые те творили в национальных сёлах. О многочисленных фактах грабежа, издевательств над местным населением рассказывали очевидцы событий нанайцы И. Оненко, А. Киле, И. Актанка [4, с. 176—177]. Террор и насилие белогвардейцев в селе Дубовый мыс на Амуре привели к тому, что в партизанский отряд вступили все мужчины-нанайцы.

Участие в партизанском движении стало практически единственной формой борьбы коренных народов с белогвардейцами и интервентами. Всего в партизанское движение в Приамурье и Приморье было вовлечено более двух тысяч нанайцев, удэгейцев, ульчей, нивхов и эвенков [10, с. 38]. В партизанских отрядах создавались отдельные «туземные» взводы, команды разведчиков, аборигены участвовали в борьбе в качестве проводников и каюров. Население помогало партизанам оружием и боеприпасами, продовольствием, транспортными средствами. В составе партизанских отрядов аборигены участвовали в подавлении японского выступления в Николаевске-на-Амуре, в боях на озере Кизи и в Де-Кастри. В селе Болонь нанайцы своими силами уничтожили банду Зайцева. У удэгейцев народная память хранит имена Сисы Куинки, Данги Кумунки, Баяна Камдзиги, особенно отличившихся в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Приморье [11, с. 108]. Участие народов Амура в Гражданской войне нашло отражение в песенном творчестве нанайцев [24, с. 212].

Примкнули к партизанской борьбе некоторые группы эвенков и эвенов. Алдомские и тугуро-чумиканские эвенки оказывали содействие экспедиционному отряду С.С. Вострецова в разгроме пепеляевцев. Чумиканский партизанский отряд, состоявший в основном из эвенков, ликвидировал один из таких отрядов, бежавших в тайгу после разгрома основных сил пепеляевцев. Охотские эвены участвовали в ликвидации белогвардейских отрядов Коробейникова, Бочкарева, Сентяпова. Командующий войсками Охотско-Камчатского края, сообщая об окончании операции по уничтожению пепеляевцев, отмечал в приказе, что победа была одержана благодаря активной помощи местного населения.

Военные события на Северо-Востоке с участием коренного населения развернулись в 1921 г., когда из Владивостока на Камчатку прибыла белогвардейская экспедиция Бочкарева. Бочкарёвцы вскоре заняли всё Охотское побережье. В сентябре 1922 г. сюда прибыли новые отряды белых во главе с генералом А. Пепеляевым. Общая численность белогвардейских отрядов на Северо-Востоке превышала 1500 чел.

К концу Гражданской войны белое движение уже не представляло собой идейно сплочённого товарищества. Один из активных участников белого движения бывший епископ армии и флота при штабе Врангеля Вениамин (Федченков) вспоминал позднее: У нас почти не было руководящих идей... Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера... А что мы могли противопоставить им со своей стороны? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, который каким-то чудом всё-всё разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно» [22].

На Северо-Востоке белое движение, чрезвычайно бедное в идейном отношении с самого начала, трансформировалось в откровенный бандитизм. На захваченной территории коренные народы, освобождённые в 1917 г. от уплаты ясака, вновь были обложены ясачной податью, которую приходилось выплачивать даже за те годы, когда ясак не вносился. У населения, кооперативов изымались оружие, пушнина, продовольствие. В учреждениях и организациях Нижне-Колымска, например, бочкарёвцами было изъято пушнины, различных товаров и наличных денег на сумму 42 тыс. золотых руб. В Providении и Анадыре белогвардейцы ограбили склады союза камчатских кооперативов, захваченная пушнина была продана на Аляске [5, с. 27—28]. В обстановке белогвардейского грабежа число сторонников советской власти среди коренного населения быстро росло. Не последнюю роль в организации сопротивления сыграли местные коммерсанты, которые и сами становились жертвами грабежа и насилия. Через них втягивались в борьбу и представители коренных народов, находившиеся у них на службе или в экономической зависимости, а иногда и состоящие с ними в родстве.

Значительную роль в организации сопротивления белогвардейцам на Чукотке сыграла семья известных коммерсантов Караевых. Караевы содержали свои торговые

Братья Караевы

отделения в Дежневе, Заливе Креста, Яндогае, Чаплине, Ванкареме, Уэлене, на северном побережье Чукотки до Средне-Колымска, имели большое экономическое влияние на коренное население и пользовались авторитетом. Фёдор и Моисей Караевы приняли самое активное участие в партизанском движении Чукотско-Анадырского края. Федор Караев был назначен в 1923 г. уполномоченным Камчатского губревкома на Чукотке и в этом качестве много сделал для мобилизации народов Чукотки на отпор белогвардейцам. Созданные им из чукчей и эскимосов заградительные отряды в Чукотском уезде, партизанские отряды в Марково и Анадыре, состоявшие в значительной степени из коренных народов, не позволили остаткам бочкаревцев проникнуть на Чукотку для бегства в Америку. Моисей Караев возглавлял руководство партизанскими отрядами, созданными из оседлых чукчей и юкагиров в Чаунском районе.

Достаточно массовым было участие коренных народов в ликвидации белогвардейских отрядов на Камчатке. В боевых действиях партизанских отрядов и отрядов самообороны участвовали ительмены Хайрюзова, Коврана, Утхолока. В состав красноармейского отряда Г.И. Чубарова вошли в январе 1923 г. тигильские и паланские партизаны. С их помощью были ликвидированы под Наяханом основные силы белогвардейцев Грундульса, Бочкарева и Полякова. Участвовали в военных операциях оседлые коряки. Коряки-алюторцы совместно с частями Красной Армии ликвидировали остатки белых в бухте Корф и в Гижиге. В борьбе с бочкаревцами отличился русско-корякский отряд из Тигилия во главе с камчадалом П. Юшиным.

Вооружённая борьба народов Севера с белогвардейцами имела место только в зоне военных действий партизан и отрядов Красной Армии. В неё вовлекалось преимущественно оседлое коренное население, кочевники участие в этой борьбе, как правило, не принимали. Случаи, когда оленеводы самостоятельно оказывали сопротивление белогвардейцам, известны, но это происходило лишь при попытках отобрать у них оленей, продовольствие и пушнину. Именно такое столкновение чукчей-олленеводов с белогвардейцами произошло осенью 1922 г. в районе Чаунской губы, во время которого было убито несколько десятков белогвардейцев.

В СССР степень участия коренных народов в Гражданской войне нередко преувеличивалась. Утверждалось, например, что в борьбе против белогвардейцев и интервентов приняли участие «десятки тысяч трудящихся северных народов» [19, с. 56], что они «плечом к плечу с русским рабочим классом..., под руководством коммунистической партии активно боролись... за установление Советской власти» [6, с. 97], делались попытки представить организацию партизанских отрядов на Чукотке как самостоятельное движение чукчей и эскимосов [14, с. 55]. На неправомочность таких оценок обращалось внимание уже в советской историографии [3, с. 38—40; 10, с. 40; 25, с. 6].

Идеализация участия коренных малочисленных народов в событиях Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке характерна и для некоторых современных исследователей. А.И. Гореликов, например, считает, что «...белое движение ассоциировалось у большинства аборигенов с предательством национальных интересов России», а их участие в Гражданской войне он характеризует «...как национально-освободительную борьбу против японских интервентов и белогвардейцев» [8, с. 261, 264]. С такими оценками нельзя согласиться. У коренных народов в тот период не было и не могло быть подобных представлений.

Участие народов Севера в Гражданской войне на стороне советской власти нельзя рассматривать и как результат осуществления среди них национальной политики коммунистической партии. В национальных районах Дальнего Востока в этот период не было сколь-нибудь значимых партийных организаций, способных внятно формулировать такую политику. В Анадырском уезде, например, на 1 июня 1924 г. по данным

Камчатского губбюро РКП(б) имелся один член и один кандидат в члены партии [18, с. 161]. Безусловно, участие в борьбе совместно с красноармейцами и партизанами оказывало на аборигенов определённое воздействие. Не случайно и первые активисты советского строительства среди коренных народов были, как правило, из числа тех, кто участвовал в партизанском движении. По мере освобождения территории от белогвардейцев на местах создавались чрезвычайные органы советской власти — сельские ревкомы, которые возглавляли, как правило, бывшие партизаны: в Уэлене — это Ремалькот, в Наукане — Ипяк, в Инурмино — Рынаутагин и др. Аналогичная ситуация была у оседлых коряков на Камчатке в Палане, Воямполке, Апуке, Караге, сельские ревкомы в которых также возглавили аборигены-партизаны.

Участие коренных народов в Гражданской войне на той или иной стороне определяло глубоко прагматическое отношение к её событиям. Аборигены не понимали политических лозунгов и уже по этой причине не могли бороться ни за «белую», ни за «красную» идею. Оказавшись в эпицентре политического противостояния, люди сопоставляли действия противоборствующих сторон и выбирали позицию, которая в тот или иной момент в большей степени отвечала их жизненным интересам. Белогвардейский бандитизм таким интересам не отвечал и потому в массе своей коренные народы поддерживали советскую власть. В равной степени не отвечал жизненным интересам аборигенов и «красный бандитизм», который тоже имел место. Естественно, что в таких случаях их симпатии оказывались на противоположной стороне. Именно такая ситуация, известная как тунгусское восстание, сложилась в 1924—1925 гг. в Аяно-Охотском районе.

Нельзя сказать, что этот неудобный для советской историографии эпизод совсем уж не получил в СССР освещения. В 1959 г. событиям на Охотском побережье в 1924—1925 гг. была посвящена статья В.С. Флерова, опубликованная в «Ученых записках» Томского государственного университета, но характеризовались они не как восстание тунгусов (эвенков), а как «белобандитское выступление» [27]. Подобная характеристика событий в Охотско-нельканском районе была поддержана позднее Р.В. Шелеховой [29, с. 167].

Введённые в последние годы в научный оборот новые архивные документы, дают основание не соглашаться с такой оценкой. В противостоянии охотских эвенков и эвенов с местной советской властью не было ничего «белого», или бандитского. От «белой идеи», как и от «красной», таёжные охотники и оленеводы, в массе своей даже не знающие русского языка, были безмерно далеки. Приписать им бандитизм тоже можно только в инфицированном идеологией сознании. Всё, что происходило в 1923—1924 гг. на Охотском побережье, прекрасно вписывается в широко известную формулу «белые приходят, — грабят, красные приходят, — грабят, куда бедному крестьянину податься?» Стихийные выступления против продразвёрстки, насилия продотрядов, бессмысленного красного террора, произвола местных советских чиновников — такая же неизбежная составная часть русской смуты начала XX в., как и война «красных и белых». Не обошла она стороной и коренные малочисленные народы Дальнего Востока.

Установление советской власти на Охотском побережье происходило в сложной военно-политической обстановке. Летом 1921 г. Якутия, в состав которой тогда входил Охотский уезд, оказалась во власти повстанческого движения Коробейникова (так называемый якутский мятеж 1921—1923 гг.). Основу его составляли бывшие офицеры во главе с корнетом Коробейниковым, к которым примкнули недовольные политикой военного коммунизма состоятельные якуты. Недовольство вызвала непосильная продразвёрстка, закрытие церквей, репрессии против шаманов и родоплеменной якутской верхушки. Повстанцы, захватив несколько барж с продовольствием и промышленными товарами, прибыли в Нелькан, где сформировали отряд, в который

входило около 150 якутов и эвенков. Попытка Коробейникова организовать наступление на Якутск окончилось неудачей. В стычках с отрядами Красной Армии на реке Амге повстанцы были рассеяны, руководители мятежа бежали на Охотское побережье, а в Якутии начались репрессии против жителей, подозреваемых в сочувствии мятежникам. К категории «бандитов» причисляли всех, кто не смог уплатить продовольственный налог. В результате антисоветские выступления охватили почти всю Якутию, число их активных участников достигало 5000 чел. [13, с. 53].

Для борьбы с повстанцами в Якутию стали прибывать красноармейские отряды, старое «ультракоммунистическое» руководство было заменено, уменьшен продналог, эвенков и эвенов от него вообще освободили. Жителям стали оказывать помощь в восстановлении разрушенного хозяйства. Оздоровлению ситуации способствовали провозглашение автономии Якутии (образование Якутской АССР) и начавшийся переход к новой экономической политике. В развернувшихся летом 1922 г. в Якутии боевых действиях повстанцы потерпели поражение. В плен сдались около тысячи человек, все были амнистированы, а около 300 непримиримых противников советской власти вновь бежали на Охотское побережье, где соединились с прибывшим из Владивостока отрядом генерала А.Н. Пепеляева.

В объединённом под руководством Пепеляева отряде (Сибирская добровольческая дружина) состояло около 1400 чел. Пепеляевцам, путём запугивания большевистской опасностью, удалось вовлечь в свои ряды часть местного населения — эвенков и якутов. Была предпринята неудачная попытка захватить Якутию. В ходе наступления отряды Пепеляева были разбиты, вынуждены отступить к Охотску и Аяну. Летом 1923 г. они были окончательно ликвидированы экспедиционным отрядом Вострецова. Сам Пепеляев сдался без сопротивления, был приговорен к смертной казни, которую заменили 10 годами заключения. В 1936 г. он был освобождён, но вскоре снова арестован и погиб в годы большого террора.

Все эти события и стали своеобразным прологом к собственно тунгусскому восстанию. После ликвидации пепеляевской авантюры в Охотском уезде начались репрессии против местных жителей, подозреваемых в антисоветских настроениях. Новые власти, весьма далёкие от понимания сути происходивших в Якутии событий, воспринимали местное население как противников советской власти. Особенно активно искореняли «антисоветскую крамолу» охотские чекисты во главе с уполномоченным Камчатского губернского отдела ГПУ Кунцевичем. Аресты, убийства жителей без суда и следствия приняли массовый характер, что не могло не вызвать протестов. Только число бесследно исчезнувших «противников советской власти», как установила позднее специальная комиссия, составило 35 чел. (13, с. 66).

Недовольству населения во многом способствовали первые декреты советской власти, посвящённые охоте — «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» [17] и «Об охоте» [16]. Они не учитывали особенности хозяйства эвенков, ставили их в трудное положение. Правда, в 1923 г СНК РСФСР многие положения этих декретов для народов Севера отменил, однако на охотском побережье они продолжали действовать. Запрещалась охота самострелами, добыча молодняка, линяющих уток и гусей. Запрет охоты на боровую дичь с 1 апреля лишал эвенков возможности охотиться на тетерева и глухарей в самое голодное время года. Все эти запреты и ограничения по существу лишали коренных жителей единственного источника их жизнеобеспечения. Обязательным стало иметь охотничий билет, за регистрацию оружия взимали налог, за охоту без билета грозил штраф, конфискация оружия и пушнины.

Серьёзным раздражителем стала налоговая политика местных властей. В 1923 г. охотские власти ввели сельхозналог на оленей и собак без учёта имущественного положения семей. Эвенки были обложены общегражданским налогом (2 руб. — с

мужчины, 1 руб. — с женщины). Пушной налог и регистрация пушнины, введённые на Охотском побережье в 1923 г., были обставлены сложными бюрократическими процедурами. Охотник по возвращении с промысла должен был регистрировать пушнину в трёхдневный срок. Для этого необходимо было принести в волостной ревком добытую пушнину, заполнить соответствующую анкету (когда и где убил зверя и т.п.), уплатить 5-процентный сбор с установленной продажной цены. Пушнина, не зарегистрированная в трёхдневный срок, считалась контрабандой и подлежала конфискации.

Апогеем «бюрократического творчества» стало введение попенного и лесного налогов. За каждую жердь для чума нужно было платить 70 коп, за каждое дерево при заготовке бересты — от 0,7 до 4,4 руб. Обложению подлежал извозный промысел (2 руб. с упряжки оленей и 1,5 руб. — с потяга собак), сбор хвороста, валежника и сухостоя для топлива (3 руб. за куб. сажень). Налоги дополнялись всевозможными сборами на местные нужды (содержание секретаря ревкома Ощепкова, попудный сбор с вывозимых товаров и др.). С эвенков стали взыскиваться старые долги. Совокупность налоговой нагрузки превышала обложение царских времён, по меньшей мере, в три раза [13, с. 63]. Налоговые ухищрения охотских властей в сравнении с ситуацией в Якутии, где эвенкийское население подобными налогами не облагалось, однозначно воспринимались как грабёж, а охотские органы власти как «не настоящая советская власть».

Тяжким бременем легла на эвенков каюрная повинность — бесплатное обслуживание разъездов должностных лиц, ГПУ, милиции. Незнание языка, особенностей быта и условий жизни в тайге породили массу нелепых инструкций и предписаний, выполнять которые было просто невозможно. Раньше регистрация рождений, смертей, браков, разводов осуществлялась один раз в году на ярмарках. Теперь предписывалось регистрировать их в трёхдневный срок в волостных и уездном ревкомах. В целях борьбы с эксплуатацией, обманом и спаиванием коренного населения в Охотском уезде была запрещена развозная торговля, коренные народы лишились возможности приобретать необходимые товары и продукты. С особой энергией осуществлялся декрет об отделении церкви от государства.

Нельзя не сказать и о ещё одном обстоятельстве, которое причиной, если и не было, то оказывало на ход восстания определённое воздействие. В этот период между властями Дальнего Востока и Якутии развивался конфликт по поводу принадлежности Охотского побережья. Долгое время оно входило в состав Якутии. С образованием в 1856 г. Приморской области с центром в г. Николаевск-на-Амуре оно было передано в её состав. В 1909 г. Приморская область была разукрупнена — из неё выделилась Камчатская область, в состав которой вошёл и Охотский уезд. В 1920 г. в связи с японской интервенцией на Дальнем Востоке Охотский уезд был временно передан в ведение Якутии, а в 1923 г., когда опасность захвата Камчатки японскими интервентами миновала, вновь возвращён в состав Камчатской губернии.

Перемена в административном подчинении Охотского уезда вызвала у коренного населения неоднозначную реакцию. Эвенки и эвены имели тесные исторические и экономические связи с Якутией. Более половины охотских тунгусов на зиму ежегодно перекочевывали в её пределы, а летом возвращались на морское побережье. Преимущественно якутскими торговцами осуществлялось снабжение населения всем необходимым для жизни. Многие эвенки и эвены к тому же были связаны с якутами родственными отношениями. Выход из состава Якутии нарушил эти связи, привёл к росту напряжённости с новыми властями. В Охотске знали о проякутских настроениях в уезде, и это ещё больше подогревало негативные отношения к жителям, особенно к якутам. Потерю охотского побережья болезненно восприняли и в самой Якутии, поскольку связывали с ним возможность выхода к морским коммуникациям, что серьёзно

повышало экономическую и политическую значимость республики в составе СССР. Определённые силы в Якутской АССР не прочь были воспользоваться конфликтом тунгусов с охотскими властями для достижения своих далеко идущих целей по превращению Якутии чуть ли не в союзную республику. Тот факт, что среди требований восставших было возвращение Охотского побережья в состав Якутии и восстановление с ней прежних экономических связей, может свидетельствовать о том, что без соответствующего влияния якутских властей дело не обошлось.

Недовольством коренных народов произволом охотских властей воспользовались убеждённые враги советской власти — торговец Ю.А. Галибаров, якутский националист М.А. Артемьев, многие из тех, кто воевал против большевиков в отрядах Коробейникова, Пепеляева, а теперь скрывался в тайге после разгрома. С помощью провокационных слухов им удалось склонить на свою сторону многих тунгусов и якутов, особенно тех, кто был причастен в своё время к выступлению Пепеляева.

Весной 1924 г. на Охотском побережье вспыхнуло восстание. Оно охватило и юго-восточные районы Якутии. Повстанцы заняли Нелькан и Аян. На состоявшемся в июне 1924 г. в Нелькане съезде тунгусов было принято решение «отделиться от Советской Республики в самостоятельное государство» и избрано «Временное Тунгусское Национальное Управление» [13, с. 89]. Повстанцы сформировали боевые отряды, базировавшиеся в различных районах Охотского уезда и юго-восточной Якутии. Военное руководство одним из них осуществлял эвенк П.В. Карамзин.

Будучи выходцем из влиятельного на Охотском побережье тунгусского рода, представители которого выступали обычно в роли «князцов», Павел Карамзин пользовался большим авторитетом. Традиционная социальная организация, в значительной степени сохранявшаяся к тому времени у эвенков, обеспечивала ему поддержку, привлекала на сторону повстанцев широкие слои коренного населения. В отдельные периоды численность отряда Карамзина превышала 200 чел. Всего же в повстанческое движение было вовлечено до 600 чел., треть из которых составляли якуты (13, с. 96).

Ход и основные события тунгусского восстания достаточно подробно описаны в монографии С.И. Ковлекова [13], статьях Е.П. Антонова [1], В.С. Флерова [27], В. Пестерева [20], И. Полонского [21]. Отметим поэтому лишь некоторые специфические моменты.

В ходе восстания достаточно отчётливо проявились две тенденции. Эвенки и эвены выступали против произвола охотских властей, защищали себя от их бесчинств и злоупотреблений. М. Артемьев и его якутские сподвижники, будучи идеологами восстания, старались придать ему антисоветский характер. Обладая культурным превосходством и по этой причине огромным авторитетом и влиянием, им не составило большого труда склонить на свою сторону неграмотных, политически отсталых эвенков и эвенов, доведённых к тому же охотскими властями до протестного состояния. Однако длилось это недолго. Антисоветский фанатизм не находил поддержки у рядовых участников восстания. По этой причине численность аборигенов, вовлечённых в события, постоянно уменьшалась, чему способствовал и сам образ жизни эвенков и эвенов. Для поддержания жизни своих семей они вынуждены были постоянно уходить в тайгу на промысел.

Крайняя жестокость, отчётливо проявившаяся в ходе Гражданской войны в России, оказалась не характерной для охотских событий 1924—1925 гг. Боевые столкновения имели место, но они носили преимущественно спонтанный характер. Взятых в плен красноармейцев или советских работников повстанцы как правило сразу же отпускали. Участники восстания с самого начала стремились к мирному разрешению конфликта и потому охотно вступали в переговоры. К компромиссу стремилась и

советская сторона. Советские руководители Якутии делали ставку на мирное разрешение конфликта. Их позиция была поддержана в Москве. Политбюро ЦК РКП(б) согласилось с предложением Якутского обкома партии о ликвидации восстания мирными средствами и сформировало с этой целью комиссию, которой временно подчинялись все партийные и советские организации Охотского уезда [13, с. 57]. Обоюдное стремление разрешить конфликт мирным способом привело, в конечном счёте, к ликвидации восстания. В мае 1925 г. сложили оружие 484 повстанца из отряда М.К. Артемьева, в июле было подписано соглашение о прекращении противостояния с отрядом Карамзина. В августе 1925 г. после переговоров с председателем комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК Байкаловым в Нелькане Временное тунгусское национальное управление сложило свои полномочия. Всем бывшим повстанцам была объявлена амнистия. На одного из руководителей восстания Ю.Г. Галибарова амнистия не распространялась.

Охотско-нельканские события 1923—1924 гг. вошли в историю как антисоветское выступление коренных народов, хотя в политическом смысле они таковыми не были. Руководитель комиссии ВЦИК К.К. Байкалов, занимавшийся расследованием причин восстания, утверждал, что оно было спровоцировано преступной деятельностью властей Охотского края и сотрудников местного ОГПУ. Особенно «отличившиеся» чекисты во главе с уполномоченным Камчатского губотдела ГПУ Кунцевичем были отданы под суд, их действия были квалифицированы как проявление «красного бандитизма» [НМА. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 186. Л. 94—94 об.; Д. 401. Л. 58].

Следует сказать, что Дальневосточный крайком РКП(б) признал выводы Байкалова о причинах тунгусского восстания неверными. Восстание тунгусов рассматривали здесь как продолжение пепеляевщины, спровоцированное якутским руководством на почве стремления завладеть Охотским побережьем. В то же время уполномоченный ОГПУ Дальневосточной области Андреев, представлявший в процессе расследования причин восстания интересы дальневосточников, также видел причину восстания в ошибках местных органов власти, которые, по его словам, «...не были советскими работниками, а были чиновниками, по казённому относившимися к своим обязанностям, все циркулярные распоряжения центра, писанные для большинства губерний Советской России, но непригодные для Охотского края, ими слепо проводились в жизнь» [НАРС(Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 61. Л. 74—84].

Тунгусское восстание 1924—1925 гг., притязания руководства Якутии на Охотское побережье побудили руководителей Дальневосточного края проявить больше внимания к нуждам жителей Охотского побережья, дали своеобразный толчок развитию его экономики и культуры. Эвенков освободили от всех налогов, безоленным хозяйствам выдали кредит на приобретение оленей. Снабжение края стало осуществляться регулярными пароходными рейсами из Владивостока. В Аяне и Чумикане были открыты фельдшерские пункты. Не последнюю роль сыграли эти события и в решении о создании в 1930 г. национально-территориального объединения охотских эвенков и эвенов — Охотско-Эвенского национального округа и национальных районов.

В заключение несколько слов о судьбе тех, кто вольно или невольно оказался вовлечённым в события Гражданской войны на Дальнем Востоке независимо от того, на какой стороне они выступали. Уполномоченный Камчатского губревкома Федор Караев, руководивший сопротивлением белым на Чукотке, после окончательного установления советской власти продолжал жить на полуострове, по-прежнему занимаясь торговлей. Новая экономическая политика, осуществлявшаяся в СССР в эти годы, это позволяла. Следы его пребывания на Чукотке прослеживаются до конца 1920-х гг., однако, в начале 1930-х гг. он, видимо, покинул СССР, перебраться на Аляску в то время труда не составляло. Во всяком случае, в списке пассажиров, прибывших в Сиэтл в 1930 г., значился некто Федор Караев. В списке пассажиров, прибывших в Ном (Аляска),

примерно в это же время упоминался и Моисей Караев [9]. Судьба ещё одного Караева — Александра, главы семейного предприятия Караевых, сложилась более благополучно. В 1926 г. он вполне легально уехал в Японию, основал там крупную фирму по импорту машин и оборудования, был посредником между торгпредством СССР и Японией. С середины 1930-х гг. жил в Китае, сохраняя советское гражданство. В 1947 г. вернулся в СССР, жил в Екатеринбурге, скончался 20 июля 1961 г. [23].

Судьба одного из руководителей тунгусского восстания 1924—1925 гг. П.В. Карамзина поначалу складывалась достаточно благополучно. Вместе с другими участниками восстания он был амнистирован. Во второй половине 1920-х гг. проживал в Аяне, активно сотрудничал с Дальневосточным комитетом Севера, учился в Хабаровском техникуме народов Севера, но в конце 1920-х гг. вновь оказался в эпицентре конфликта. В этот период на юге Охотского побережья существовало два эвенкийских национальных (туземных) района. Один из них — Нельканский входил в состав Якутии, второй (Аянский) — в состав Дальневосточного края. На одной эвенкийской территории действовали два административных образования. Симпатии Карамзина, обладающего большим влиянием на местных эвенков, судя по всему были на стороне дальневосточников, в якутском Нелькане он явно пришёлся «не ко двору». В 1929 г. Нельканская избирательная комиссия лишила его избирательных прав. В Аяне Карамзина тут же назначили председателем Аянского туземного райисполкома. В этом качестве в декабре 1930 г. он провел в пос. Тотта, входившем в состав Якутии, собрание жителей, на котором было принято решение об образовании Тунгусской автономной республики, выходе её из состава Якутской АССР и вхождении в состав ДВК [2, с. 95].

Новый рецидив сепаратистских устремлений, связанный с именем Карамзина, видимо, сильно обеспокоил дальневосточные власти. В июле 1931 г. он был арестован и в январе 1932 г. осуждён по статье 58-2 на три года ссылки в Западной Сибири. Столь мягкий приговор по расстрельной статье может свидетельствовать, что власти в этот раз не рассматривали его как врага, а решили изолировать от основной массы тунгусского населения и усадь подальше от родины. Следует помнить и то, что начало 1930-х гг. в СССР — время достаточно «вегетарианское». Массовые репрессии были впереди. В Западной Сибири следы Карамзина теряются. Дальнейшая его судьба неизвестна. В 1989 г. он был реабилитирован. В Аяно-Майском районе сегодня проживает несколько Карамзиных, возможно, однофамильцев, но может быть и потомков Павла Васильевича Карамзина.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антонов Е.П. Тунгусское национальное восстание 1924—1925 гг. // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 41—47.
2. Антонов Е.П. Охотское побережье в контексте управленческих решений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 91—95.
3. Балицкий В.Г. Великий Октябрь в судьбах малых народов дальневосточного Севера СССР. Владивосток. 1984. 300 с.
4. Беляев А.А. Участие нанайцев в борьбе за власть Советов // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре. 1958. С. 172—183.
5. Гарусов И.С. Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае. Магадан, 1963. 72 с.
6. Гарусов И.С. Участие коренного населения Северо-Востока в борьбе за власть Советов (1917—1923) // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 97—101.

7. Гоголев З.В. Разгром антисоветских восстаний в 1924—1925 и 1927—1928 гг. // Научные сообщения. Вып. 6. Якутск, 1961. С. 23—32.
8. Гореликов А.И. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока в национально-освободительной борьбе против японских интервентов и белогвардейцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008, Вып.1. С. 258—264.
9. Дороги... Продолжение поисков. URL: <https://odynokiy.livejournal.com / 184654.htm> (дата обращения: 20.10.2018).
10. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968. 334 с.
11. История и культура удэгейцев, Л.: Наука. 1989.
12. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай. М. 1964.
13. Ковлеков С.И. Тунгусское восстание 1924—1925 гг. Якутск: изд. ЯГУ. 2005. 134 с.
14. Крюк В.А. Малые народы Северо-Востока в период гражданской войны и интервенции (1918—1922) // Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток. 1962.
15. Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед // За власть Советов на Камчатке (1917—1923). Петропавловск-Камчатский. 1957. С. 5—90 .
16. Об охоте // СУ РСФСР. 1920. № 66. Ст. 297.
17. О сроках охоты и праве на охотничье оружие // СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 256.
18. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. 456 с.
19. Павлов Ф. Народы, возрожденные Великой Октябрьской социалистической революцией // Революция и национальности. 1937. № 4. С. 56—59.
20. Пестерев В. Восстание на Охотском побережье в 1924—25 годах. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/17-6.htm> (дата обращения: 20.10.2018).
21. Полонский И. «Тунгусское восстание». Антисоветское повстанчество в Охотском крае. URL: <https://topwar.ru/69169-tungusskoe-voosstanie-antisovetskoe-povstanchestvo-v-ohotskom-krae.html> (дата обращения: 20.10.2018).
22. Россия между верой и безверием. URL: [https:// pravbeseda.ru/ library/ index.php? page=book&id=703](https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=703) (дата обращения: 20.10.2018).
23. Свинова Е. Владивостокские «хозяева Чукотки»: история жизни одной семьи. URL: [http://grimpress.ru / article/6907](http://grimpress.ru/article/6907) (дата обращения: 20.10.2018).
24. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. 570 с.
25. Фадеев А.А. Разгром. Последний из удэге. М., 1964.
26. Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926). Томск, 1964. 288 с.
27. Флеров В.С. Ликвидация Охотско-Нельканского белобандитского выступления (1924—1925 гг.) // Ученые записки Томского гос. университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1959. № 37. С. 145—162.
28. Ходжер Б. Как я партизанил // Тайга и Тундра. Л., 1930. № 2. С. 140—148.
29. Шелехова Р.В. Борьба за Советскую власть на севере Якутии в 1917—1925 гг. Якутск, 1972. 199 с.
30. НА РС (Я) (Нац. арх. Республики Саха (Якутия).
31. НМА (Николаевский-на-Амуре муниципальный арх.).

REFERENCES

1. Antonov E.P. *Tungusskoye natsional'noye vosstaniye 1924-1925 gg.* [Tungus national uprising of 1924-1925] // *Russia and the APR.* 2007. No. 4. P. 41—47. (In Russ.)
2. Antonov E.P. *Okhotskoye poberezh'ye v kontekste upravlencheskikh resheniy.* [Okhotsk coast in the context of management decisions] // *Bulletin of the NSU. Series: History, philology.* 2006. Vol. 5, no. 1. P. 91—95. (In Russ.)

3. Balitsky V.G. *Velikiy Oktyabr' v sud'bakh malykh narodov dal'nevo-stochnogo Severa SSSR*. [Great October in the fate of the small peoples of the far-north of the USSR]. Vladivostok. 1984. 300 p. (In Russ.)
4. Belyaev A.A. *Uchastiye nanaytsev v bor'be za vlast' Sovetov* [The participation of the Nanais in the struggle for the power of the Soviets] // Far East for 40 years of Soviet power. Komsomolsk on the Amur. 1958. P. 172—183. (In Russ.)
5. Garusov I.S. *Razgrom belogvardeyshchiny v Okhotsko-Kamchatskom kraye*. [The rout of the White Guard in Okhotsk-Kamchatka region]. Magadan. 1963. 72 p. (In Russ.)
6. Garusov I.S. *Uchastiye korennogo naseleniya Severo-Vostoka v bor'be za vlast' Sovetov (1917-1923)*. [The participation of the indigenous population of the North-East in the struggle for the power of the Soviets (1917—1923)] // History and culture of the peoples of the North-East of the USSR. Magadan. 1964. P. 97—101. (In Russ.)
7. Gogolev Z.V. *Razgrom antisovetskikh vosstaniy v 1924—1925 i 1927—1928 gg.* [The defeat of the anti-Soviet uprisings in 1924—1925 and 1927—1928]. // Scientific messages. Yakutsk. 1961. P.23—32. (In Russ.)
8. Gorelikov A.I. *Korennyye malochislennyye narody Dal'nego Vostoka v natsional'no-osvoboditel'noy bor'be protiv yaponskikh interventov i belogvardeytssev*. [Indigenous peoples of the Far East in the national liberation struggle against the Japanese interventionists and the White Guards] // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. 2008, issue 1. P. 258—264. (In Russ.)
9. *Dorogi... Prodolzheniye poiskov* [Roads ... Continuing Search]. Available URL: <https://odynokiy.livejournal.com/184654.htm> (accessed 10/20/2018). (In Russ.)
10. Zibarev V.A. *Sovetskoye stroitel'stvo u malykh narodnostey Severa*. [Soviet construction in small nations of the North]. Tomsk, 1968. 334 p. (In Russ.)
11. *Istoriya i kultura udegeytssev*. [History and culture of Udege]. L.: Science. 1989. (In Russ.)
12. Kimonko D. *Tam, gde bezhit Sukpay*. [Where Sukpai runs]. M. 1964. (In Russ.)
13. Kovlekov S.I. *Tungusskoye vosstaniye 1924-1925 gg.* [Tungus uprising of 1924—1925]. Yakutsk: ed. I GU. 2005. 134 p. (In Russ.)
14. Kryuk V.A. *Malye narody Severo-Vostoka v period grazhdanskoj vojny i interventsii (1918-1922)*. [Small peoples of the Northeast during the civil war and intervention (1918-1922)] // Third Scientific Conference on the History, Archaeology and Ethnography of the Far East. Issue 1. Vladivostok. 1962. (In Russ.)
15. Makhorkin I., Slobodchikov F. *Gody bor'by i pobed* [The years of struggle and victories]. // For the power of the Soviets in Kamchatka (1917-1923). Petropavlovsk-Kamchatsky. 1957. P.5-90. (In Russ.)
16. *Ob okhote* [On hunting] // SU RSFSR. 1920, №66. St.297. (In Russ.)
17. *O srokakh okhoty i prave na okhotnich'ye oruzhiye* [On the timing of hunting and the right to hunting weapons] // SU RSFSR. 1919. №21. Art. 256. (In Russ.)
18. *Ocherki istorii Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. [Essays on the history of Chukotka from ancient times to the present day]. Novosibirsk 1974. 456 p. (In Russ.)
19. Pavlov F. *Narody, vozrozhdeniye Velikoy Oktyabr'skoy sotsia-listicheskoy revolyutsiyey* [Peoples, revived by the Great October Socialist Revolution] // Revolution and Nationalities. 1937. №4. P.56-59. (In Russ.)
20. Pesterev V. *Vosstaniye na Okhotskom poberezh'ye v 1924-25 godakh*. [Uprising on the Okhotsk coast in 1924—25]. Available at: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/17-6.htm> (accessed 10/20/2018). (In Russ.)
21. Polonsky I. *«Tungusskoye vosstaniye». Antisovetskoye povstanchestvo v Okhotskom kraye*. ["Tungus uprising". Anti-Soviet insurgency in the Okhotsk region]. Available at: <https://topwar.ru/69169-tungusskoe-vosstanie-antisovetskoe-povstanchestvo-v-okhotskom-krae.html> (accessed 10/20/2018). (In Russ.)
22. *Rossiya mezhdru veroy i bezveriyem*. [Russia between faith and disbelief]. Available at: <https://pravbeseda.ru/li-brary/index.php?page=book&id=703> (accessed 10/20/2018). (In Russ.)
23. Svinova Ye. *Vladivostokskiy «khozyayeva Chukotki»: istoriya zhizni odnoy sem'i*. [Vladivostok "masters of Chukotka": the story of the life of one family]. Available at: URL: <http://primpress.ru/article/6907> (accessed 10/20/2018). (In Russ.)

24. Sergeev, M.A. *Nekapitalisticheskiy put' razvitiya malykh narodov Severa*. [The non-capitalist path of development of the small peoples of the North]. M.-L. 1955. 570 p. (In Russ.)
25. Fadeev A.A. *Razgrom. Posledniy iz udege* [Defeat. The last of the udege]. M. 1964. (In Russ.)
26. Flerov V.S. *Stroitel'stvo Sovetskoy vlasti i bor'be s ino-strannoy ekspansiyey na Kamchatke (1922-1926)*. [The construction of Soviet power and the fight against foreign expansion in Kamchatka (1922-1926)]. Tomsk. 1964. 288 p. (In Russ.)
27. Flerov V.S. *Likvidatsiya Okhotsko-Nel'kansкого belobanditskogo vystupleniya (1924-1925 gg.)* [Liquidation of the Okhotsk-Nelkan White Bandit Performance (1924-1925)] // *Uchenye zapiski Tomskogo gosud. University of them. V.V. Kuibyshev. Tomsk. 1959. No. 37, p. 145-162.* (In Russ.)
28. Hodger B. *Kak ya partizanil* [How I Partisan] // *Taiga and Tundra, №2. L. 1930. P.140-148.* See also: *Bred on Amur. Khabarovsk: Book publ., 1972. P.11—19.* (In Russ.)
29. Shelekhova R.V. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' na severe Yakutii v 1917—1925 gg.* [The struggle for Soviet power in the north of Yakutia in 1917-1925]. Yakutsk. 1972. 199 p. (In Russ.)